

# Таланты, как правило, не капризничают

Культура. — 2003. — 2-8 окт. — с. 12

Фильмы и спектакли Валерия АХАДОВА неизменно находят отклик у зрителей. Его творчество в лучшем смысле слова демократично. При этом он не идет на уступки низкопробному вкусу, но, по свидетельству театральных антрепренеров, постановки Ахадова имеют коммерческий успех. Достаточно назвать спектакль «Мадам Маргарита» с самой Анни Жирардо, «Ну, все, все... все?» с Татьяной Васильевой и Валерием Гаркалиным или «Искушение» с Любовью Полищук и Сергеем Безруковым. Зрители помнят и давние его фильмы, и киноленты, созданные сравнительно недавно: «Кто поедет в Трускавец», «Руфь», «Я обещала, я иду...», «Женщин обижать не рекомендуется».

— В вашей последней картине «Подмосковная элегия» герой Михаила Александровича Ульянова играет артиста, готовящегося к исполнению главной роли в «Короле Лире»?

— Да, в пьесе Михаила Козакова, на основе которой был создан сценарий к фильму, немало переключек с этим произведением. Шекспир — воистину великий драматург, и в его творчестве можно найти едва ли не всю типологию ситуаций человеческого бытия. И кроме того, отношения героев и сюжетные линии словно закольцованы, заключены в некие рамки. Так бывает в пьесах Чехова, например. Я люблю снимать фильмы по таким историям.

— Вас обидело бы условное определение «актерский режиссер»?

— А что вы имеете в виду?  
— Ну вы обычно приглашаете в свои фильмы настоящих звезд, иногда даже на совсем небольшие роли. В ваших картинах ощущается сработанность актерского ансамбля. В то же время «швов» режиссерской работы, поисков, метаний незаметно. Кажется, что все очень просто.

— По-моему, вы только что сделали мне изысканный комплимент.

— Но неужели вам порою не хочется поразить зрителей, а главное, коллег по цеху парадоксальными режиссерскими решениями, каким-нибудь новомодным монтажом или необычными операторскими находками?

— Хочется, периодически. Каждый раз, когда начинается новый проект, я замашиваю на какие-то чуть ли не революционные новшества. Тщательно к ним готовлюсь, стараюсь посмотреть как можно больше работ молодых режиссеров, чтобы быть в курсе современных творческих манер. Но неизбежно скоро понимаю, что это для меня неограничено, и возвращаюсь к своему традиционному стилю. Просто, если бы я стал из кожи вон лезть, чтобы соригинальничать, это бы напоминало ситуацию, когда старый мужчина хорохорится перед юной девушкой. Он всюю старается, а от этого его возраст еще сильнее бросается в глаза. И она все видит.

— По-моему, в театре вы не так консервативны.

— Да, в театральных постановках я позволяю себе «гулять» в форме подачи материала. Честно говоря, не задумывался, почему так получается. Возможно, просто разный материал в руки попадает. Для кино это чаще всего мелодрамы или драмы, как в случае с «Подмосковной элегией», а в театре, если речь идет об антрепризе, это в большинстве случаев комедии на грани фарса, гротеска (здесь раздолье для фантазии). Еще у меня были опыты работы с иностранными артистами, и это всегда сопровождалось экспериментами.

— Например?

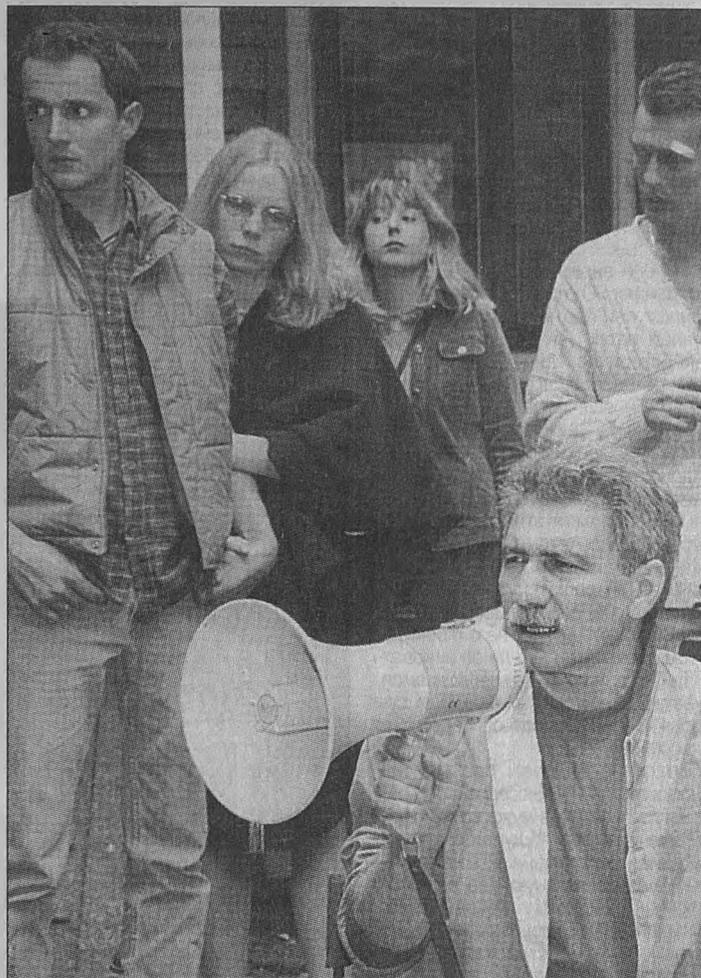
— Я еще в Магнитогорске поставил с двумя французскими актерами спектакль по новелле «Мemento» Генри Джеймса. Это и без того сложный писатель, но ситуацию усугубляло то, что пьеса была сначала переведена на французский с английского, а только затем на русский. Разобраться во всем этом было довольно мучительно. Мы задействовали все пространство театра (тогда это еще было новшеством), артисты спускались со сцены в зал, и зрители перемещались с ними. И мне пришлось в голову ввести в действие переводчика, чтобы он ходил вместе с актерами и объяснял происходящее. Так вот, когда прошло два первых прогона, мне одновременно разные люди сказали: «Убери переводчика, мы все и так понимаем!»

— Честно говоря, когда вы сказали «французские актеры», я подумала, что речь пойдет об Анни Жирардо.

— Да, московские зрители имели возможность увидеть ее моноспектакль «Мадам Маргарита» над которой мы с ней в свое время работали.

— Это тоже был эксперимент, такой интерактивный, как сказали бы сейчас, спектакль?

— Пожалуй. Вообще-то, эту пьесу ей вначале поставил французский режиссер, было это двадцать шесть лет назад. Но к тому времени, когда мы с ней познакомились, она уже лет десять не играла эту роль. Я понятия не имел, как все выглядело вначале, да и перевод на русский получился, что называется, авторизованным, так что практически мы заново ставили пьесу. Там было очень много взаимодействия с публикой, она напрямую к ней обращалась, просила



В.Ахадов на съемочной площадке перед знаменитой актрисой?

встать, сесть, делала замечания отдельным зрителям и так далее. Ведь главная героиня пьесы — пожилая учительница, разговаривающая со своими учениками.

— Но, насколько я знаю, это была не первая ваша совместная работа с несравненной Жирардо.

— Да, все началось с кино, вернее, со сценария. Понимаете, когда начинаешь думать о подборе актеров на роль, ищешь личность, образ, сопоставимый с каким-либо уже известным тебе артистом. Если я не знаю, кого конкретно пригласить на роль, произношу традиционную фразу: «Это должен быть кто-нибудь типа...» Вот в тот раз я сказал «типа Анни Жирардо». И сразу же возникла крамольная мысль: «А почему «типа», почему, собственно, не сама Жирардо?»

— Но ведь, если не ошибаюсь, это был конец 80-х?

— Тогда такого вообще никто не делал. Но мы связались с госпожой Жирардо через французское посольство, переслали ей сценарий, и она дала согласие. Вот тут-то и начались основные трудности: бумажная и финансовая волокита. Но все-таки мы добились своего.

— Вы не чувствовали робос-

ет о судьбе француженки, вышедшей замуж за советского гражданина и переехавшей в сталинское время в СССР. Разумеется, очень скоро главная героиня попадает в лагерь, но, когда спустя много лет, ее реабилитируют, она остается в стране, ставшей ее второй родиной. Так вот, в одной из сцен героиня Жирардо переодевается. Разумеется, следуя правде жизни, костюмеры предложили ей бюстгальтер-«парашют». Актриса пришла в ужас от этой модели и наотрез отказалась его надевать. Помоему, это был первый и последний раз, когда мы слегка повздорили. Но в итоге победила все же она: истинная француженка пересилила актрису, и играла она эту сцену в том белье, в котором хотела.

— А второй эпизод?

— Когда мы показывали «Мадам Маргариту» в Москве, мадам Анни, известная своими левыми взглядами, поставила условие, что будет играть только, если на спектакль придет чета Горбачевых. И мы расшиблись в лепешку, но выполнили пожелание актрисы.

— Все же, наверное, нелегко находить общий язык (в данном случае в буквальном смысле) с иностранной актрисой. На съемках или во время репетиций возникали какие-либо недоразумения из-за языкового барьера?

— Дело в том, что она не говорит по-английски, а я — по-французски. Но мы прекрасно понимали друг друга, когда я смотрел ей в глаза. Стоило мне только отвернуться — и начинались проблемы. Но когда я поворачивался к ней — все вновь становилось понятным, ведь у нее такая богатая жестикуляция, мимика. В конце концов, некоторые слова я распознавал по латинским корням. Не исключаю и «надсознательное» общение, как теперь говорят, «на уровне тонких миров». Однажды переводчик не смог прийти на один званный ужин, и, сидя в шумной компании, мы проработали целый вечер. Вернее, говорила в основном она, естественно, на своем родном языке. И когда она захотела сообщить мне что-то по секрету, чтобы никто не понял, она перешла на итальянский, который я, скажем так, еще более не знал, чем французский!

— Не хотели бы вновь с ней поработать?

— Конечно, хотел бы, у меня даже есть на примете литературная основа для сценария — роман одного француза русского происхождения под названием «Французское наследство» (кажется, автор — лауреат Гонкуровской премии). Там роскошный образ главной героини — бабushки. А ведь, вообще, для актрис в возрасте так мало ролей, тем более главных, тем более хороших.

Беседу вел  
Лилит ГУЛАКЯН  
Фото ИТАР-ТАСС

— Вот с этого места, пожалуйста, поподробнее!

— Наш фильм «Руфь» рассказыва-